

упить в интернете Лабиринт 1637 р. О КУПЕЧЕСТВЕ И купечество в ничтожность повергать не надобно, понеже без купечества никакое не только великое, но и малое царство стоять не может. Купечество и воинству товарищ: воинство воюет, а купечество помогает, и всякие потребности им уготовляет. И того ради и о них попечение нескудное надлежит иметь: яко бо душа без тела не может быть, так и воинство без купечества пробыть не может; не можно бо ни воинству без купечества быть, ни купечеству без воинства жить. И царство воинством расширяется, а купечеством украшается. И того ради и от обидников вельми надлежит их охранити, дабы не малые обиды им от служивых людей не чинилось. Есть многие несмысленные люди - купечество ни во что ставят, и гнушаются ими, и обидят их напрасно. Нет на свете такого чина, коему бы купецкий человек не потребен был бы. И так купечество годствует блюсти, чтобы не токмо от обидников посторонних, но и они между собою друг бы друга не обидели, и в купечество их иночинные люди отнюдь бы не вступали, и помешательства ни малого им не чинили, но дать им торг свободный, дабы от торгов своих сами полнились, и Его Императорского Величества интерес умножали. Егда ибо торг дан будет Русскому купечеству свободный, чтоб не токмо ино-чинцы, но и иноземцы в торгу Русским людем помешательства нималого б не чинили, то и пошлинный сбор будет не в том сочислении. Я так мню, что при нынешнем сборе пошлины будут собираться вдвое или втрое; а ныне от различинных промышленников пропадает ея большая половина. Буде кто коего чина нибудь еще от синклита, или от офицеров, или от дворянства, или из приказных людей, или церковные причетники, или и крестьяне похотят торговать, то надлежит им прежний свой чин отставить, и записаться в купечество, и промышленять уже прямым лицом, а не пролазом, и всякие торги вести купечески с платежом пошлин, и иных каких поборов с купечества, равно со всем главным купечеством, и без согласия купеческого командира утайкою, по-прежнему, воровски ничего не делать, апошлиннаго платежа ни мало не таить. Надобно всякому чину прямо себя вести, чтобы перед Богом не грешить и пред Царем в вине не быть; и как жить, так надлежит и слыть: еще воин, то воин и да будет, и еще инаго звания человек, то всяк бы свое звание и да хранил бы цело. Сам Господь Бог рек, глаголя: (Матф. гл. 6, ст. 24): Един раб не может дву господам служить. Тако и воину и инаго чина человеку всякому свой чин прямо вести, а в другой предел не вступати: еще бо тому к купечеству прилипнуться, то в военном деле солгат будет. Сам же Спаситель наш рек, глаголя: яко идеже сокровище ваше, ту и сердце ваше будет. А Святой Павел Апостол глаголет: (гл. 2, ст. 41), яко никто воин обязуйся куплями угоден будет воеводе. А по простонародному речению есть глагол приличен сему, еже глаголется: одно взять - либо воевать, либо торговать. И посему воину и всякому иночинцу отнюдь купечеством не подобает; но буде у кого желание к купечеству припадет, то уже в тот чин и вписаться надлежит. И сего ради еще не учинить о сем предела, еже посторонних торговцев из господ и из прочих приказных и вотчинных людей и из крестьян не унять, то весьма обогатиться купечеству не возможно, и собранию пошлинной казны умножиться не от чего будет. А еще Господь Бог у нас в Российском Царстве устроит сиче: еже судьи и вси правители будут кийждо управлять свое дело с прилежанием, а в купечество не вступати, не токмо их от обидников защищать, также и военным людем, ни офицерам, ни солдатам, в купечество не вступати же, и ничем их ни обиждати, токмо пещися о своем деле военном, такожде и приказные люди пеклись бы о своих приказных делах, а в купечество отнюдь бы не вступали ж, а и мастеровые люди питались бы своим рукодельем, а в купечество и та не вступались бы, такожде и крестьяне знали бы свою крестьянскую работу, а в купеческое дело ни мало не прикасались бы. А буде кой крестьянин может рублей на сто торговать, тот бы чей ни был крестьянин, Государев ли, или Царицын, или

митрополий, или монастырский, или сенатский, или дворянский, или какого звания ни был, а торгу на сто рублей имеет, тобы записался в купечество. И аще и там поведено будет им жить на стороне, а уже пахоть ему не пахать и крестьянином не слыть, но слыть купеческим человеком, и надлежит уже быть под ведением магистратским, и с торгу своего пошлина платить, в мелочные сборы, или по окладу своего торгу уколом, то так тому и платить неизменно. А дворяне ради себя пасли бы своих крестьян неотложно, и прикащикам своим и старостам наказали б накрепко, чтоб крестьяне его ни мало к торгу не прикасались бы, и никогда бы даром ни летом, ни зимою не гуляли, но всегда б были в работе, а к купечеству ни малым торгом отнюдь не касались бы, такожде и сами дворяне никакому торгу не касались бы. А буде кой крестьянин и богат, то бы он пустоши нанимал, да хлебом насевал, и тот излишний хлеб продавал бы, а сам у иных крестьян ни малого числа для прибыту своего не покупал бы; а буде купит хотя одну осьмину, а кто свой брат-крестьянин или и тот, кто продал, пришед в таможду, известить, то у того торгаша взято будет штрафу сто осьмин, а кто о том донесет, дать десять мин. А буде кто купит для продажи десять четвертей, то взято будет на нем штрафу тысяча четвертей, а кто доведет, тому сто четвертей. А буде коему крестьянину припадет охота к купечеству чем бы он ни был, явился б в магистрате, и сказал, что могу я торговать на сто рублей или на двести или и вящше, то указом Его Императорского Величества взят будет в купечество. Аще сие Бог устроит, еже всякого звания человек будет пещися о своем деле, то всякие дела будут споры, а купечество так обогатится, что не в пример нынешнему богатству. А пошлины будут с них собираться не то что вдвое, но, чаю, что ны-нешняго сбора и втрое больше будет или вящше. Потому что ныне торгуют бояра, дворяне и люди их и офицеры и солдаты и крестьяне, то все те торгуют беспошлинно, а и купецкие люди за их имены множество провозят беспошлинно же. И я не чаю, чтобы ныне и половина прямо пошлин собиралось, да и собрать ее не мочно, аще не отставить во всем торгу от господ и от служивых людей, потому что прикоснулись торгу лица сильныя, а кои и несильны, то магистрату неподсудны. Я о сем совершенно знаю, что в одном Новгородском уезде крестьян, кои торгуют, будет что-другое, а пошлин ни по деньге не дают. И аще кой сборщик, увидя их похочет пошлину взять, то дворяне за них вступятся, и чуть живых оставят, и на то смотря, никакие целовальники и прикоснуться к ним не смеют. И есть такие богачи, что сот по пяти-шти имеют у себя торгу, а Великому Государю не платят не по деньге. И если вся сия устроится, то яко от сна купечество возбудится. А сей древний купецких людей обычай вельми есть неправ, еже и между собою друг другу неправду чинят, ибо друг друга обманывают. Товары яко иноземцы, тако и Русские, на лице являют добрые, а внутрь положены или соделаны плохи, а иные товары и самые плохие, да закрасив добрыми, продают за добрые, и цену берут неправедную, и неискусных людей тем обманом вельми изъянят, и в весах обвешивают, и в мерах обмеривают, а в цене облыгают, и тое неправду и в грех не поставляют, и от такого неправого порядка незнающим людям великия пакости чинятся. А кои обманывают, последи за неправду свою и сами все пропадают, и в убожество вящшее приходят; и тако вси отончевают. А аще бы в купечестве самая христианская правда уставилася, еже добрые товары за добрые бы и продавали, а средние за средние, а плохие за плохие, и цену брали по пристоинству товару прямую настоящую, почему коему товару цена положена, а излишния бы цены ни у какого товара не то что взять, но и не припрашивали б, и ни стара, ни мала, ни несмысланнаго не обманывали б, и во всем поступали б самую правдою, то благодать бы Божия возсияла на купечестве, и Божие благословение почило бы на них, и торг бы их святой был. И ради неподвижный в купечестве правды надлежит во всех рядах устроить сотских и пятидесятских и десятников, и в коей лавке сидит сотской, то над дверьми

лавочными прибить дощечка окруженная, покрытая белилами, дабы всем она знатна была, и на такой дщице написать сице: сотской; такожде над лавкою пяти-десятскаго и десятскаго, чтобы купующие, куля какой товар, знали где тот товар показать, прямо ль отвесил или обмерял, и товар доброй или плохой и настоящую ль цену взял. А буде взял цену не противю настоящих цены излишнюю, то за всякую излишнюю копейку взять на нем штрафу по гривне или по две, и высечь батоги или плетьюми, чтоб вперед так не делал; а буде в другой раз так же учинит, то допра-вить штрафу сугубо, и наказание учинить сугубое ж. А буде кто неправо отвесит или неправо отмеряет, или не такой товар даст, какого купец требовал, и вместо добраго худой продаст, то таковому жесточае чи-нять наказание, и штраф противю товарных цены взять десятирично. А буде в такой неправо помирволить продавцу сотской или пятидесятской или десятской, то взять штраф на десятском в десять мер, а на пятидесятском в 50 мер, а на сотском во 100 мер, и наказание чинить кнутом, по колику ударов уложено будет; и дать тем сотским и пятидесятникам инструкции с великим подкреплением, чтоб они за своими десятскими смотрели неоплошно, дабы они никаковому десятнику понаровки ни малья не чинили, и плохо бы сего не клали, но боялись бы яко огня, дабы не дошло до великих лиц, и чтобы десятские и по лавкам досматривали, чтобы никакова товару худаго добрым не закрашивали, но каков кой есть, таков бы продавали, добрый за добрый, средний за средний, а плохой бы за плохой, и весили бы и меряли самую правдою, а излишняя цены ни у какого товару не прибавляли бы и не прикрашивали бы. Но что чего стоит, того бы и просили, а и заморские товары, сукна и камки и прочия парчи, меряли бы и продавали с перваго конца, а не с задняго. И какой купец не пришел, богат или убог, аще разумен или ничего не смышлящ, всем бы одиначе правдою продавали, и ни у рубля, ни у десяти рублей единыя копейки не имали и не припрасивали бы. (Спорить нельзя - одной цены уставить вес товару: имя одно, да доброта не одна; ину пору да и поплоче) и самыя ради беспорочныя правды не худо бы всяким товарам весовым и локотным положить цена уставленная, чтоб она какова была в первой лавке, такова бы и в последней. А что с кого надлежит за какую вину взять штрафу, и тот бы штраф собирали сотские не отлагая до инаго дня, когда кто провинится, тогда бы и платили, и приняв штрафу, записывали б в закрепленную книгу, и помесячно относили бы их в контору надлежащую, а со иноземцы приезжими на ярмарках без воли главнаго купеческаго правления командира, ни великаго, ни малого торгу не чинили бы. А буде кто хотя на один рубль дерзнет приезжим иноземцам продать какого-нибудь товару без воли вышняго своего командира, то взять с него штраф сторично; за всякой взятой рубль по сту рублей, и наказание учинить кнутом, колико уложено будет ударов дать, дабы помнил и впредь так не делал. И с воли командира своего и по согласию купечества поставя цену товару своему, отпускали бы за моря и за прочие рубежи Русские товары, как богатые, так и убогие с воли командира своего по общему согласию компанства, чтобы никому обиды не было. И егда иноземец сторгует какова товара Русскаго многое число или малое, то всем Русским людям, как богатым, так и убогим, комуждо из своих товаров поверстався по количеству товаров своих, чтоб ни богатому, ни убогому обиды не было. А буде кто не похочет товару своего для малые продажи расчинать, и то как кто похочет, в том воля мочно дать. И тако творя, между всеми купецкими людьми будет мирно и согласно, а цены никому уронить будет нельзя, и почему какому товару цену с общаго согласия наложат, то уже иноземцы по той цене и нехотя возьмут. А буде иноземцы похотя нашим товарам цену снизить, и товаров по наложенной цене брать не станут, то надлежит у маломочных товары все богатым за себя снять. А буде купецкие люди за недостатком денежным не соймут, то выдать бы им деньги из ратуши и отпустить их восвосяи, и впредь до указа таковых товаров не возили бы хотя годы два-три или

больше, донележе со иноземцы торгу не будет, промышляли бы иным каковым промыслом. И пока иноземцы по наложенной цене товаров наших принимать не будет, до тех времени отнюдь нималога числа таких товаров на иноземческие торги не возили бы. И буде иноземцы восхотят наших купцов принудить к своему умыслу, ежебы наших Русских товаров ценой не взвысить, а своих не снизить, оставя торг, поедут за море без наших товаров, то и свои они товары с коими приехали повезли б все с собою назад; а в амбары с кораблей не сторговавшись отнюдь класть им не попускать бы, хотя за амбары вдвое или втрое наемныя деньги давать станут, или где в доме похотят сложить, отнюдь того им не попускать; то когда наших товаров не брать, то и своих товаров оставлять им не для чего: как привозили, так пусть и назад повезут. А в другое лето буде приедут, то надлежит нам на свои Русские товары к уставленной прошлогодней цене положить на рубль по гривне или по четыре алтына, или как о том указ Великаго Государя состоится, како бы купечеству слично было, и деньги бы в том товаре даром не прогуляли. А буде два года иноземцы с торгом не будут, то на прежнюю цену наложить еще толико же, колико на первый год наложено. И так колико годов ни проволочат они упрямством своим, то на каждой год по толико и те накладки на всякой рубль налагать, не уступая ни малым чем, чтоб в купечестве деньги в тех залежалых товарах не даром лежали, но проценты бы на всякой год умножились. И аще в тех процентах товарам нашим возвысится, что коему прежняя цена была рубль, а в упорстве иноземском возвысится в два рубли, то таковую цену уже впредь за упрямство их держать, не уступая ни малым чем. И аще иноземцы упрямство свое и отложат, и станут товары свои возить к нам по-прежнему, и наших товаров к себе востребуют, а уже цены на Русские товары прибавленные отнюдь не убавлять, и в предбудущие годы по такой же наложенной цене продавать, почему в упорстве их иноземской наложились. И буде двойныя цены за наши товары не похотят нам дать, то и их товары перед ними: мы благословением Божиим можем без их товаров пробыть. Обще же я мню: хотя они и хитры в купечестве и в иных гражданских расправах, а аще уведают нашего купечества твердое положение о возвышении цены, то не допустят до двойныя цены: будут торг иметь повсягодно, видя бо наше твердое постоянство всячески упрямство свое прежнее и гордость свою всю и нехотя отложат: нужда пригоняет и к поганой луже. Для нас хотя они вовсе товаров своих к нам привозить не будут, мню, можем прожить без товаров их; а они без наших товаров и десяти лет прожить не могут. И того ради подобает нам над ними господствовать, а им рабствовать пред нами, и во всем упадок пред нами держать, а не гордость. Сие странное дело, что к нам приехав со своими безделками, да нашим материяльным товарам цену уставляют низкую, а своим цену ставят двойную, а иным товарам и выше двойныя цены. И не до сего ста, но и деньги нашего Великаго Государя ценят, до чего было им нималога дела не надлежало: им надлежит деньги ценить своих государей, потому что они власть имеют над своими владельцы. А наш Великий Император сам собою владеет, и в своем государстве аще и копейку повелит за гривну иметь, то так и может правится. Мы в своем царстве с воли Монарха своего вольны на привезенные их товары цену налагать. А буде им нелюбо, то на ту цену Не отдавай, волен он и отдать и не отдать; нам силой у него не отнять, а в том мы можем стоять, не-сторгованному и негодному на сухом берегу места не дать; либо назад вези, либо в корабле держи. Время было уже им прежняя своя гордость и отложить; плохо им было над нами ломаться, тогда, когда сами наши Монархи в купеческия дела не вступали, но управляли бояре. И приехав они иноземцы засунут сильным персонам подарок рублев во сто-другое, то за сто рублев сделают они иноземцы прибыли себе пол-миллиону, потому что бояре не ставили купечества ни в яичную скорлупку; бывало на грош все купечество променяют! А ныне, слава Богу, Монарх наш вся сия рассмотрил; и

подлезть им уже никак, еже бы им по прежнему своему хотению уставить и на своем поставить. И если они иноземцы от упрямства своего года два-три и пять-шесть торговаться с нами не будут, то купечеству нашему великая и неисчислимая прибыль будет, потому которые товары покупались у нас в Руси по рублю, то будет уже в покупке по полтине или и меньше, а иноземцам меньше уставленные цены за иноземческое упрямство сбавить отнюдь невозможно. Потому что такая цена уставилась за их непокорство; они на свои товары без причины наложили цену высокую и тем нас вельми изневожили, а им изневога не от нас, но от своего им упрямства. Они в причину поставили Русския наши деньги, до чего им ни малаго дела нет. Деньги наши когда в их землю придут, то хотя они нашу копейку и за деньгу не возьмут, то в том они вольны; их земля, их воля. А в нашей земле нет им ни малья власти, но волен наш Монарх; а по его Монаршеской воле и мы имеем некую часть воли. А они, пришед в нашу землю, ценя наши деньги, да всяким своим товарам цену возвысили: червонные были без гривны по сроку алтын, а ныне по два рубля, ефимки были по осьмнадцати алтын, а ныне по осьми гривен; меди пуд был по три, а ныне - по семи и по восьми рублев, олово было не с большим по три рубля, а ныне выше шести рублев; горячая сера была по полтине пуд, а ныне втрое выше продают. Бумага писчая, коя была стопа по восьми гривен, ту ныне продают по два рубля; оконечных стекол ящик покупали по три рубля, а ныне продают по десяти рублев. Колико ни есть заморских товаров, на все наложили они цену двойную, да и тройную, и тем они хошут Российское Царство пригнать к оскудению, и издеваясь над нами, вместо матерьяльных товаров возят к нам разные питья, да похваляют их, то питье честное и весьма похвальное, дабы слыша их такую похвалу, больше у них покупали, и денег бы им больше давали, а нам бы то их питье выпить, да ..... а иное и выbleвать; да привозят к нам стеклянную посуду, чтоб там купив, разбить, да бросить. И нам если заводов пять шесть построить, то мы все их государства стеклянную посуду наполнить можем. И того ради весьма надлежит нам себя осмотреть: их Немецких рассказов нам не переслушать; они какую безделицу не привезут, то надседаясь хвалят, чтобы мы больше у них купили, и уже чего не затеют: и пива наваря, да налив в бутылки привозят, да продают бутылку по десяти алтын; а нам мочао ту бутылка наложить на алтын или на две копейки. И аще нашим товарам высокая цена уставится или не уставится, то в воли Монарха нашего; как он поводит, так то и будет неизменно. А их заморские товары весьма надлежит принимать купечеству нашему по раз-смотрению, и по согласию общему, и с воли командира своего, а не по-прежнему, самовольно, и выбирали б, кои товары были прочны и самые были добрые, а плохих отнюдь не принимали, и те принятые товары такожде делили между собой по количеству своих товаров с общаго совета, чтобы никому и малой обиды не было. А буде же иноземцы на тот отборной товар еще сверх настояция цены наложат цену излишнюю, то и того отборнаго товара с наложением прибавочной их цены не брать бы у них ничего, но брать по настоящей цене, какова до того от отбирания установилась. А буде заупрямятся, и давать тех товаров по настоящей цене не похотят, то отказать им: пусть весь свой товар повезут назад, а плохих и непотребных товаров и на полцены отнюдь бы не принимать ни малого числа для того, чтобы они дураками нас не называли, и в товарах наших над нами не издевались бы. А наипаче таких товаров не принимать, которые куля выпить, да ..... или приняв разбить и бросить. Стеклянную посуду мочно нам к ним возить, а не им к нам; и всякие товары, кои непрочны и портятся, якоже обшивныя их иноземческия пуговицы принимать и на полцены не надобно; понеже пока человек кафтан носит, то обшивныя пуговицы двое или трое переменит. И того ради годствует принимать пуговицы медныя плотныя, кои паяны не оловом, или кои и без пайки, да насажаны на деревянные болвашки, или оловянные серебром посеребрены на жестяных чашках. Такожде кои

вместо стальных привозят визмутовые пуговицы, то и таких принимать не надобно ж для того, что они непрочны. А принимать самыя прочныя, с коими бы мочно было кафтана два-три износить; буде и стеклянныя черныя, да сделаны на железных самых плотных ушках, то таковыя мочно брать; потому что оне весьма потребны, платья не дерут, а к носке прочны, цена им не высокая; буде станут ушки делать у них гораздо плотны, то они партищ пять-шесть переносят. А и во всяких товарах смотреть того накрепко, чтобы был прочен, и парчи всякие, кои бывают к носке прочны, те и брать, а кои на клею камчицы и атласцы и штофцы, хотя кои и цветны, таковых и на полцены принимать не надобно, и никому бы из таких парчей и платья делать надлежит призапретить; потому что в них деньгам перевод. И не токмо шелковых, но и гарусных, кои неплотны и к носке непрочны, чулки и парчевые вещи, кои скоро пропадают, таковых никогда ж принимать не надобно; такожде и линтов, кои весьма тонки и плохи, хотя самую малою ценою не доведется ж брать; но брать те линты, кои весьма плотны, хотя и ценою выше, только б к носке были прочны; и с мишурую битью никаких линтов не принимать; потому что в них никакого проку нет, токмо денежная напрасная трата. Такожде и платков шелковых Немецких и Персидских не надлежит же покупать нам; потому что и в них токмо одна денежная трата, а самыя потребности ни полу нужныя нет: дать за него рубль или полтора рубля и годом платка два-три истеря-ет, и на другой год толико ж надобно, и лет в десяток иной щеголь платков с пятьдесят; и хотя по рублю положить платок, то пятьдесят рублей истратит, и на всякий год, и в той безделице из царства тысяч десятка по два-три пропадут, а на утирание носа и на утирание на лице пота гораздо потребнее платки льняные, нежели шелковые; и шелковые только одни хвасты, да иноземцам обогащение. И если заказ о шелковых платках будет, то никто их не востребует, и будут по-прежнему полотняными платками утираться. Немцы никогда нас не поучат на то, чтобы мы бережно жили, и ничего б напрасно не теряли; только то выхваляют, от чего б пожиток какой им припал, а не нам. Они не токмо себя, но и прочих свою братию всякими вымыслами богатят, а нас больше в скудость пригоняют; и того ради надобно нам разумея разуметь о всяких их делах яко о купецких, такс и о военных и о художных делах: не тут то у них правда, что на словах ладогозят; надобно смотреть их на делах, а не на словах, и смотреть презрительным оком. А кои у нас в России обретаются вещи, яко же соль, железо, иглы, стеклянная посуда, зеркала, очки, оконечныя стекла, шляпы, скипидар, робячьи игрушки, во-хра, черлень, прозелень, пульмент, то всем тем надобно управляться над своим, а у иноземцев отнюдь бы никаких тех вещей ни на полцены не покупать. А и сукон солдатских, мнится мне, у иноземцев покупать не надобно ж, потому что наши Русские сукна аще и дороже заморских станут, обаче тыи деньги из царства вон не выйдут. Того ради и сукнами нам потребно прониматься своими же, чтобы те деньги у нас в России были. И правителем не токмо одних купецких дел, но и градских, надлежит смотреть того накрепко, чтобы нетребнаго и непрочнаго ничего из-за моря и из-за рубежей в Русь не покупали, но покупали б такия вещи, кои прочны, и коих в России у нас не обретаются, или без кои пробыть немочно. Нам надобно не парчами себя украшать, но надлежит добрым нравом, и школьным учением, и христианской правдой, и между себя истинной любовью и непоколебимым постоянством, яко к благочестивой христианской вере, так во всех делах, и за таковое украшение не токмо на земли, но и на небеси будем славны. А и сие в купецких людях деется весьма неправильно, еже аще который человек проча себе и детям своим построить палаты, и аще он построил их и одолжась, а соседы и клеветы его вси, вместо ежебы его за то паче перваго любити и благо-дарити, что сделал от бочнаго огня преграду и царственную учинил украсу, вознегодуют на него, и налягут на него тяжелыми податями и службами, и то стало быть диявольская ненависть: за что было надлежало

ему польготить, потому, что он строя палаты изубыточился, а они вместо льготы нападут на него с разорением. А мнится: не худо бы и Царским указом сие подтверди, чтобы лет на пять-шесть или и больше построившим палаты в Царских поборах давать льготы, и в те льготные годы службы никаких не выбирать бы; дабы он поправился, и на то смотря, стали б иначе тшаться палаты строить. Паки и сие мнится: не весьма право посадские люди многие украшают себя паче меры своей, а жен своих и детей и наипаче того со излишеством украшений, и в том украшении излишнем себя истощевают. Паки мне мнится - не худо бы расположить, чтобы всякий чин свое бы определение имел: посадские люди все купечество собственное свое платье носили; чтобы оно ничем ни военному, ни приказному согласно не было. А ныне ни коими делами по платью невозможно познать, кто какого чина есть, посадский или приказный или дворянин или холоп чей; и не токмо с военными людьми, но и с царедворцами распознать невозможно. А мнится быть то самое прямое дело, чтобы не то что от царедворцев или от солдат, но и между собою надлежит им различие иметь. Первая статья купецкаго чина, кии выше тысячи рублей, даже до десяти тысяч пожитки у себя имеют, таи бо носили на верхних кафтанах от сукна кармазиннаго, кой купуется выше дву рублей, а камзолы луданые и стофные и прочие шелковые парчи, кои без золота, без атласа и без испещрения разных цветов, а разноцветных парчей купечество и на малых своих детей не надевали бы; пуговицы носили бы серебряныя позолоченыя, а позументов бы и снуров золотых и серебряных, ни пуговиц обшивных, отнюдь бы не было и на малых их детях; а покровом надлежит, мнится, всему купечеству иметь: верхние кафтаны были б ниже подвязки, чтоб оно было служивого платья длиннее, а церковного чина покороче, а штаны бы имели суконныя и триповыя, а камчатых и парчевых отнюдь бы не было у них, а на ногах имели бы сапоги, а башмаков тот чин отнюдь не носили же бы, а на головах бы носили летом шляпы, и носили бы их аще и пуховыя, а пол по служивому маниру не заворачивали бы, а зимою носили бы шапки с околыши лисьми и рассомашными, а собольих бы отнюдь не носили. Собольи шапки носили бы гости, да гостинные сотни, кии выше десяти тысяч имут у себя пожитку. А средняя статья, кии имут у себя пожитки ото ста рублей даже до тысячи, то таи бы носили сукна Английскаго, кии около рубля покупается аршин, а камзолы китайчатые и суконные носит, а пуговицы серебряныя белыя и медныя, паяныя медью и серебром посеребренныя; а на головах летом носили бы шляпы без заломов, а зимою шапки лисьи и бобровыя, а покровом особым от первостатейного купечества, а на ногах - сапоги. А нижняя статья, кии от десяти рублей имеют пожитка только до ста рублей, таи бы носили сукна Русские крашенныя лазоревыя и иными цветами, хотя ва-ленья, хотя неваленья, только бы были крашенныя, а некрашенныя носили бы работные люди и крестьяна. И по одежном расположении аще инем повидится дело невеликое, мне же мнится - велико оно: первое, что чин от чина явен будет, и всяк свою мерность будет знать; другое, что у всякого чина денежныя истраты излишния не будут; третьи, что царству наполнение будет немалое. И платенное расположение, я чаю, что иноземцы вельми будут спорить того ради, что разходу парчам их будет гораздо меньше. И о всем, как воля Его Императорскаго Величества произыдет, тако и будет; и расположить бы все статьи особливостно, не токмо материяльными статьями, но и покровами, и утвердить бы накрепко, чтобы впредь неподвижно быти. И того ради штрафом подтвердить и страх предложить, дабы никто не держал на изменение предела сего. У кого пожитку на тысячу рублей есть, тот бы себя не ругал, но благодаря Бога, носил бы достойное платье по пристойности своему. А ныне много есть, что тысячи две-три имеют, а ходит в сером кафтане; а у инаго и ста рублей нет, а он носит платье против тысячника; а по прямому, у кого пожитка большаго нет, тот бы не тщеславился, но всяк бы свою мерность знал. И аще у кого пожитку выше тысячи рублей, и он платье по

своему достоинству протаву своего клеветства носить не будет, и кто, ведая его пожиток, донесет о нем, то все его пожитки переписать, и аще явятся тысячи на две или на три, то оставить ему ста на два или на три; потому что он сам себе того возжелал, а излишнее все, аще и выше того будет, взять на Великого Государя, а доносителю из взятого пожитку выдать десятая доля. А буде у кого по смете явится ни с большим на тысячу рублей, тому в пеню не ставить; аще сто-другое или третье явится излишня, и кто доносил, нет ему ничего. А буде сот пять излишня будет, то излишня пять сот или и больше взять на Государя, а ему оставить тысячу рублей или сот пять-шесть. А кто выше своей меры платье себе сделает, и по доношению тое платье снять, и дать тому, кто на него о том непристойном платье обличит его, и учинить ему наказание, чтобы впредь так он и иные не делали, и себя бы не убитчили. И аще сие дело не великое, а царственному обогащению будет великая помощь: никто излишняго тратить не будет. И аще воля Великого нашего Монарха на сие дело произыдет, то надлежит закрепить штрафом великим и страхом немалым, дабы не токмо в городех, но и в путях ездили бы в определенном своем платье. А буде кто оденется не своего чина одежою, то наказание чинить ему жестокое, а по людям смотря, надлежит и разыскать, а наипаче, аще крестьяне да уберутся людьми боярскими или самыми дворянами или солдатами, то уже явно, что хочет идти на легкую работу - на разбой. В одеждах так бы хорошо устроить, что не то, чтоб по верхнему платью или по исподнему, но и по рубашкам все бы были знатны, кто какого звания есть. И по такому расположению все чины будут явны, и никто волгатись во иной чин не может; а мне видится, от такого порядка и азарничества поубудет; ныне бо многие поубравшись по-солдатски, ходя по улицам, чинят, что хотят, а никто пристать к ним не смеет: мнят быть их прямых солдат, наипаче кии убираются подобием Преображенских или Семеновских солдат, и тако творя, наносят слово на прямых солдат недоброе. А если бы все чины были расположены, то аще бы кто и поазарничал, то положил бы порок на свой чин, а и сыскивать бы скоро мочно было, кто азарничает. И не худо бы расположить какими знаками и полки все как солдатские, так и драгунские, чтобы всякий солдат и драгун знатен был, коего он полку. И аще все чины повидится расположить трудно, то хотя б то учинить, чтобы мочно было знать, кто идет или едет, господин ли или раб; обаче о всем сем како воля Божия и Его Императорского Величества произыдет, так и может быть. И сие вельми потребно, еже бы то учинить, чтобы никто выше меры своая одежд и всяких украшений не строили. А наипаче монахом шелковыя одежды носить неприлично; а сие весьма непристойно, еже носят они рясы луданья, атласныя и штофныя; они бо уже мира сего отреклися, и яже суть в мире, и миру подобает от них отреченну быть: они живые мертвецы, они токмо Богу живы, а миру мертвы суть: и того ради ни малаго убра-ния не подобает им не токмо в одеждах иметь, но и во всяких вещех украшати себя светскими украшеньми не надлежит, но подобает им украшати себя святым житием и всякими добродетельми, паче же смирением и из монастыря неисхождением. Им по чину своему подобает носить самое простотное одеяние, от волны сотканное, а и покрой рясам их надлежит быть мешковатой, чтобы и в том украшения ни малого какого не было. А исподы носили б самые смиренные овечьи, а собольих, и куньих, ни лисьих, ни белых, отнюдь бы не носили; ибо на худой конец, что они по всей России на всякой год тысяч десятка по два-три в том украшении истратят, и тая трата самая непотребная: ни она царству украшение, ни она миру увеселение, то токмо тщеславие и к б...цам присвоение, и иного ничего в том украшении несть, кроме греха. И аз не вем, како у них на сие рассуждение будет, а мое мнение тако лежит, что отнюдь им не то что одежд, но и опушки шелковыя не подобает им иметь. Чернец - мертвец. И от пьянственного питья подобает им весьма удаляться, и между мирскими людьми не шататься, и в деревнях монастырских управителями не

подобает им быть, но токмо знать им монастырь, да святую церковь, и келлий своих никаковым украшением не украшати, а не худо, чтоб и стен не тесати, и в келлиях своих не токмо хлопцев молодых при себе держати, но и родных своих детей отнюдь при себе не надлежит имети. У инока инако всякому делу подобает быть: у инока ни отца, ни матери, ни детей, ни сродников нет, кроме единого Бога. Им пища сладкая и приправная и маслом гораздо усмаженная не весьма подобает ясти. А егда случится торжественный день, то и тогда ради разрешения маслица положить самую малую часть, дабы не весьма уж усладило; такожде и на питье разрешить от самые ж малые части, чтоб пьянства в себе не почуют. Чернецу непрестанно подобает быть в молитве, да в труде и в непрестанном бо-гомыслии. Им так надобно жить, что он весь был в Бозе и Бог бы в нем неизходно, и не токмо ему сладостныя яствы ясти или по люторску мясу коснуться, но и рыбы, кроме разрешенных дней, не подобает вкушати. Вся бо та в мире суть, а не монастыре, и егда на рыбу разрешено, то и рыбу не весьма усмаживать маслом и иными приправами, но варить ее просто и, кроме соли никакой потравы в нее класть не весьма потребно; в монастыре токмо труд и алкание, а не роскошь какая. И того ради называется равноангельское житие их, потому что непрестанно в церковном пении и в келейном правиле и в постех и молитве пребывают и в богомыслии. И в монастырех каков труд и воздержание всей братии, таков и архимандриту, и пища какова все соборным и работным инокам, такова и самому архимандриту. И в таком бытии самое будет братство, такожде и одежда у всех бы была безукрашенная и ничем одежда от одежды не отмеченная; и тако бы они в монастыре трудились, чтоб никто посторонний человек познать не мог, кто какого чина есть. Христос, дая нам образ, будучи на земле, платья украшенного и изменного не имел, и яко Сам едину ризу имел, тако и прочим ученикам своим повелел единоризным быти. А и пищу Христос требовал простую без приправ (Лук. гл. I, зач. 54): егда бо пришел в весь посетити Лазаревых сестер, и Мария села при ногу Иисусову слы-шаше словес Его, нача про Христа припасать ядь со учреждением. Господь же похвалил Марию, коя о пище не пеклася, но седше, слушаше словес его Господних, а Марфе рек: Марфо, Марфо, печешися о мнозе, едино же есть на потребу. Яве есть, яко повелел ей припасти то, чем мочно человеку сыту быть. Тако и инокам токмо припасать, чем мочно человеку сыту быть, и есть надобно не чрез сытость, чтобы не отяготить себя, и имения иноку никакого не подобает имети. И в таковом житии могут они слыть Евангеликами, понеже они никаковыя утехи себе, кроме Бога, не имеют; всегда пребывают в посте и в молитве, и мяса не вкушают, и никакими сладостями не услаждают себя, и яко Христос жил, тако и они живут, и живут житие безженное, а мнози в них обретаются и девственники; итого ради весьма им надлежит слыть Евангеликами. И ради всенародного охранения надлежит не одних иноков, но и купечество от лишнего пьянства и от роскошного жития повоздержать; наипаче надлежит запретить от заморских питей, чтобы сами не пили и в гостинцы никому бы не носили; а чаю, не худо бы и приказным людям и служивым и прочим всякого чина людям призакрепить, чтоб и они в заморских питеях не касались, и денег бы напрасно не теряли. Буде кто похочет прохладиться, то может и Русскими питеи забавиться, а не то что покупаючи пить, но и приносяго никакого заморскаго питея не поваживались бы пить. И буде кто учинить и пиршество, аще и про высокие персоны, а заморских питей и духу бы не было, кроме табаку, (а табак не худо бы в Руси ж завести сеяти и строить его по-заморски, как у них водится, чтобы и на табак деньги из Руси напрасно не тратились), но чем Бог нашу страну наполнил, тем надлежит и честноватись. И иноземцам то прилично питее свое заморское во домех своих держать и кого не похотят поить им хотя Рейнским или алканом, но хотя Венгерским безденежно; а на деньги буде продаст много или мало, брать штраф сторичный - за копейку по рублю, а за рубль по сту

рублев, а достальное питье, колико у него не сыщется, взять на Великаго Государя. А буде кто и иноземцев позовет к себе в гости, то потчивали б своими питии, а на заморские питья отнюдь никакого числа денег не тратили бы, но токмо заморские питья покупали бы одни сенаторы, да из Царского Синклита, кои самые богатые люди, обаче с рассуждением же бы, чтобы деньгам не весьма истратно было. Разве к кому случится пришествие Царскаго Величества, то уже тут нет предела: идеже Царское пришествие, тут и закон изменяется. Нам от заморских питей кроме тщеты и богатству нашему Российскому прея-тия и здравию повреждения иного несть ничего, и дадим мы из Российского царства за него червонные, да ефимки и иные потребности, без коих им пробыть не можно, и от чего они богатство себе приобретают, а от них иноземцев примем мы то, что выпита да... и на землю вылить, а иное выблевать, и здравие свое повредить, а и веку своему пресечение учинить. А нас Россиян благословляя, благословил Бог хлебом и медом и всяких питей довольством: водок у нас такое довольство, что и числа им нет; пива у нас предо-рогие и меды у нас преславные вареные, самые чистые, что ничем не хуже Рейнского, а плохого Рейнского и гораздо лучше. Есть же у нас и красные питья, каразин и меды красные ж вишневые, малиновые, смородинные, костяничные и яблочные. И аще заморские питья оставить, а повелеть строить меды разными видами, различными искусы, и продавать их из-австери; то так их настроят, что больше заморских питей их будет. А аще и табачные заводы завести в России, и ради доброго в нем управления, чтоб он был ничем не хуже заморского, добыта мастера доброго, чтобы научился строить по-заморски, то так нам мочно его напасти, что и кораблями за море моч-но нам его отпускать, и если в Руси его строить, то выше копейки фунт его не станет, а заморского выше десяти алтын фунт покупают, а сеять его места у нас много. Нам так мочно его размножить, что миллионная от него прибыль будет; а на каких землях он родится, таких земель у нас премножество, мочно нам или его сеять во всех понизовых городах, а наипаче в Симбирску, на Самаре, на Пензе, на Инсаре, на Ломове, во Мченске, на Саратове, на Царицыне, и в Астрахане, и на Воронеже и во всей Киевской стране и в тех городах мочно его на каждый год по тысяче тысяч пуд наплодить его. И аще он в Руси заведется и размножится, то те все деньги, кои за него за море идут, все останутся у нас в Руси. А если за море будут отпускать, то будут деньги и к нам от них возвращаться. И аще и табак в Руси заведется, то кто сколько каких питей Русских и табаку ни выпьет, все те деньги из царства вон не выйдут, а заморские питья покупать ничем же лучше то, что деньги в воду метать. Обаче, по моему мнению, лучше в воду деньги метать, нежели за море за питье их отдавать; из воды колико ни есть либо кто и добудет, а из-за моря данные деньги за питье никогда к нам не возвратятся, но те деньги из царства уже погибли. А самого ради лучшего царственного пополнения надлежит и прочие заморские товары с рассмотрением покупать, ибо те токмо надлежит товары покупать, без которых нам пробыть не мочно, а иные их Немецкие затейки и прихоти их мочно и приостановить, дабы, напрасно из Руси богатства не тащили; на их мягкие лестные басни и на всякие их хвасты нам смотреть не для чего. Нам надлежит свой ум держать, и что нам к пополнению царственному потребно и прибыльно, то надлежит у них покупать, а кои вещи нам не к прибыли, или кои и непрочны, то тех отнюдь у них не покупали б. И аще мочно так учинить, еже бы в Санкт-Петербурге и в Риге и в Нарве и у Архангельского города, приезжие иноземцы товаров своих продавали с кораблей, аще большими статьями, аще и малыми, обаче с кораблей бы продавали, а в амбары и на дворы не сторговав и пошлин не заплатя не выгружали бы, а кои товары их за непотребность или за высокость цены не проданы будут, то те товары, не вынимая из кораблей, назад к себе за море повезли бы, а у нас бы отнюдь не оставляли их. И аще такс состоится, то иноземцы будут к нам ласковее, а прежнюю свою гордость всю

отложат. Нам о том вельми крепко надобно стоять, чтобы прежнюю их пыху в конец сломить, и привести бы их во смирение, и чтобы они за нами гонялись. И аще в сем мы можем устояти, еже бы товаров незапроданных в амбары наши им не складывать, то станут они гораздо охотнее те свои товары продавать, а пошлина уже будет со всего товара взята сполна, а на перевод по-прежнему уже переводить не станут. И хорошо бы в купечестве и то учинить, чтобы все друг другу помогали, и до нищеты никого не допускали. Аще своими деньгами не могут его оправить, то из Царские бы сборные казны из ратуши давали им из процента на промысл, смотря по промыслу его, дабы никто промышленной человек во убожество великое от какого своего упадка не входил. И аще в купечестве тако будет строиться, то никогда они не оскудеют, но год от года в промыслах своих будут расширяться, и Бог их за такое братолюбие, благословляя благословит, и во всем им подаст убожение и душевное спасение. О ПРАВОСУДИИ | Книга о скудости и богатстве | О ХУДОЖЕСТВЕ правообладателям e-reading.club